

Дата доступа: 13.11.2022.

5. Хеффе, О. Справедливость: Философское введение / О. Хеффе ; пер. с нем. О. В. Кильдюшова ; под ред. Т. А. Дмитриева. – М. : Праксис, 2007. – 192 с.

6. Юм, Д. Сочинения : в 2 т. / Д. Юм ; пер. с англ. С. И. Церетели [и др.] ; примеч. И. С. Нарского. – М. : Мысль, 1996. – Т. 2. – 799 с.

7. Frederickson, H. G. Social Equity and Public Administration: Origins, Developments, and Applications / H. G. Frederickson. – New York : M. E. Sharpe, 2010. – 169 p.

8. Norman-Major, K. Balancing the Four Es; or Can We Achieve Equity for Social Equity in Public Administration? / K. Norman-Major // Journal of Public Affairs Education. – 2011. – Spring. Issue 17, № 2. – P. 233–252.

9. Rawls, J. A Theory of Justice. Original edition / J. Rawls. – Cambridge : Harvard University Press, 1971. – 607 p.

10. Svara, J. H. Social Equity Is a Pillar of Public Administration/ J. H. Svara, J. R. Brunet // Journal of Public Affairs Education. – 2005. – Issue 11, № 3. – P. 253–258.

*А.В. Беляев, кандидат исторических наук, доцент,
БГЭУ (Минск)*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: БЕЛОРУССКИЙ ПОДХОД

В числе сфер и процессов, которые призвано регулировать государство в рамках реализуемой им публичной политики, важное место занимает сфера идеологии. Особое значение формулирование идеологии государства приобретает в периоды политической и военной турбулентности, поскольку при помощи идеологических установок происходит объединение общества, его мотивация к сохранению и отстаиванию собственной идентичности перед лицом внешних вызовов и угроз. При этом в идеологической составляющей общественного сознания немаловажное место занимает историческая политика.

Понятие «историческая политика» получило распространение в Европе благодаря «спору историков» Германии. Там в 1980-е гг. возник термин «Geschichtspolitik», под которым понимались «интерпретации истории, избранной по политическим, то есть партийным, мотивам, и попытки убедить общественность в правильности такой интерпретации» [5, с. 8–9].

Тогда это понятие и стоявшее за ним явление получило негативную коннотацию, так как его глубинной целью являлась коррекция (в сторону

уменьшения) ответственности за преступления нацизма. Первоначальная парадигма памяти в послевоенной Германии была основана на представлениях, где Холокост (уничтожение нацистами евреев) воспринимался как тяжелейшее преступление, евреи – как «жертвы», а немцам отводилась роль «кающихся». Однако в ходе исторических споров эти представления претерпели метаморфозы, в результате которых концепт жертвы был перенесен с «чужих евреев» на самих себя, т.е. в немецком обществе стала внедряться практика самоидентификации с еврейскими жертвами. Нацистов стали отделять от «простых немцев», утверждалась идея о том, что сам немецкий народ – жертва нацизма и не должен нести ответственности за его преступления. Подобное восприятие не получило общественного одобрения и термин «историческая политика» на некоторое время перестал широко употребляться.

Однако в начале 2000-х гг. термин «*Polityka historyczna*» был реанимирован в Польше, где группа историков заявила о необходимости утверждения здорового патриотизма с помощью истории, а также о противостоянии «искажениям» польской истории внутри страны и за рубежом [5, с. 8–9]. По мнению польского профессора Р. Трабы, историческая политика фактически является попыткой государства конструировать культурную память и формировать определенную модель политического видения национального прошлого в интересах правящих сил [7, с. 94].

С таким подходом коррелируют и представления российского автора А. Миллера, который трактует историческую политику как особую конфигурацию методов использования государственных административных и финансовых ресурсов в сфере истории и политики памяти в интересах правящей элиты [4, с. 19]. С ним в этом согласна и российская исследовательница О. Малинова. Однако она считает историческую политику частным случаем более широкого понятия (и стоящего за ним явления) – политики памяти. Последняя ею понимается как деятельность государства и других акторов, направленная на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающих их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях - еще и законодательного регулирования [3, с. 33].

В Беларуси тема исторической политики стала выходить на первый план в общественном дискурсе лишь в последнее десятилетие, в связи с обострением внутривнутриполитических процессов борьбы за власть. В период 1990-х – 2010-х гг. исторические дискуссии носили более академический характер, однако наблюдалось постепенное распространение в данной сфере нарративов, создававшихся историками националистической ориентации. Ряд из них были аффилирован с Западом через систему академических обменов, стажировок, грантов. В ходе подобного взаимодействия европейские партнеры навязывали

в качестве обязательных установок белорусским исследователям русофобию, негативное отношение к советскому прошлому, излишнюю идеализацию периодов Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Подобные установки, благодаря встроенности некоторых историков-националистов в белорусские академические институты и сферу высшего образования, проникали в общую парадигму преподавания истории в школах и вузах, исподволь формируя не всегда объективную и исторически достоверную картину прошлого в сознании молодого поколения граждан Республики Беларусь.

Политические процессы, последовавшие в Восточной Европе после государственного переворота 2013–2014 гг. на Украине, вывели вопросы национальной безопасности в качестве важнейших приоритетов. В том числе белорусское руководство вынуждено было реагировать и на угрозы в информационной и идеологической сфере. В результате в 2019 г. в Республике Беларусь была утверждена Концепция информационной безопасности, которая стала ответом на новые вызовы эпохи глобальной цифровизации. В качестве отдельной задачи по обеспечению безопасности в информационном пространстве в этом документе выделена проблема исторической политики (ст. 49): «Требует дальнейшей последовательной реализации государственная историческая политика, направленная на закрепление в Беларуси и за ее пределами белорусской национальной концепции исторического прошлого страны и белорусской модели памяти, построенной в соответствии с настоящей концепцией в качестве доминирующей» [6].

При этом само понятие «историческая политика» в данной Концепции не было конкретизировано, отсутствует его точное определение и в других нормативно-правовых актах белорусского законодательства. Учитывая достаточно широкое и разноречивое использование термина в научной исторической, политической и философской литературе, а также исходя из необходимости политико-правовой институализации понятия для практического использования в сфере государственной публичной политики Республики Беларусь, потребовалось сформулировать определение исторической политики применительно к белорусским реалиям.

Это было сделано представителями научного академического сообщества и руководства Совета Безопасности страны в рамках опубликованной в авторитетном журнале «Беларуская думка» статьи «К вопросу об исторической политике», где под исторической политикой предлагается понимать систему целенаправленной деятельности институтов государственной власти по формированию национального историко-государственного мировоззрения человека и общества, укреплению историко-культурных и духовно-этических представлений людей, их готовности к созидательному труду, отстаиванию

государственной безопасности и национальных интересов Отечества [2, с. 10–11]. В публикации отмечается, что в фокусе исторической политики находится не столько вопрос поиска научной истины, сколько конструирование «образа прошлого, который должен способствовать консолидации общества, воспитанию патриотических и гражданских качеств, служить укреплению межнационального и межконфессионального согласия, являться «иммунитетом» против чуждых идеалов и ценностей» [2, с. 4].

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу, что историческая политика должна быть ориентирована на сохранение и воспроизводство национальных исторических нарративов и формирование исторической памяти народа как коллективного феномена, имеющего субъективный характер. При этом необходимо осознавать, что государство, как основной актор, который занимается разработкой и реализацией такой политики, связанной с искусственным конструированием и (пере)форматированием общественного сознания, все же преследует благородные цели, так как является институтом публичной власти, действующей в общих интересах. Задачей государственной публичной политики в целом является поддержание политической и социально-экономической стабильности, а также обеспечение достойного уровня жизни (в соответствии с имеющимися ресурсами) для граждан. И действия в культурно-информационной сфере, в том числе и в области формирования исторической памяти, должны коррелировать с этими целями.

Автор настоящей публикации (А. Беляев) также в целом поддерживает вышеозначенный подход к пониманию сути, целей и задач исторической политики в Беларуси, что отразил в своем выступлении на научной конференции «Безопасность и устойчивое развитие: теория и практика в условиях цифровой трансформации» [1]. Однако, на наш взгляд, кроме государства необходимо более активно задействовать и ресурс гражданского общества, которое также необходимо привлекать для формирования и реализации исторической политики.

Например, в ряде стран Восточной Европы были созданы специфические структуры – «Институты национальной памяти» (ИНП) - которые, финансируясь за государственный счет, выполняют функции главных разработчиков и проводников исторической политики, привлекая к этой деятельности на условиях подряда активистов из негосударственных структур. И хотя деятельность таких институтов в Польше, Украине, Литве (в последнем государстве существует аналог ИНП – «Центр геноцида и резистенции») часто оценивается негативно, поскольку данные структуры выполняют карательно – запретительные функции, сама идея связующего звена между правительством и обществом, которое могло бы стать аккумулятором и агрегатором основных идей и направлений в сфере исторической политики, выглядит продуктивной.

Несмотря на отсутствие у белорусских авторов теоретического упоминания о необходимости привлечения гражданского общества к вопросам формирования исторической памяти и исторической политики, на практике эта идея частично реализована. В соответствии с распоряжением № 22рп от 4 февраля 2022 г. при Администрации Президента Республики Беларусь создан Республиканский совет по исторической политике, который должен стать постоянно действующим межведомственным консультативным и координирующим органом по проведению единой государственной политики в сфере исторической памяти. В его состав на общественных началах вошли известные ученые в области гуманитарных знаний, авторитетные общественные деятели, представители политических партий, общественных объединений, экспертного сообщества, госорганов и организаций.

Таким образом, в настоящее время в Беларуси в системе публичной политики можно наблюдать формирование в качестве самостоятельного направления исторической политики, обозначенной в юридических документах (Концепция информационной безопасности) и институализированной в форме специального органа (Республиканский совет по исторической политике). В то же время основные направления и методы данной политики находятся в проработке.

Список источников

1. Беляев, А. В. Историческая политика и историческая память в информационном обществе: актуальная белорусская ситуация / А. В. Беляев // Безопасность и устойчивое развитие: теория и практика в условиях цифровой трансформации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 5–6 декабря 2019 г. : в 5 т. / Ин-т нац. Безопасности Респ. Беларусь; редкол.: Г. Г. Краско (гл. ред) [и др.]. – Минск, 2019. – Т. 1. – С. 49–52.
2. К вопросу об исторической политике / А. Коваленя [и др.] // Беларуская думка. – 2019. – № 8. – С. 3–11.
3. Малинова, О. Ю. Политика памяти как область символической политики / О. Ю. Малинова // Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. научн. тр. / отв. ред. А. И. Миллер, Д. В. Ефременко. – М. ; Санкт-Петербург, 2018. – С. 27–53.
4. Миллер, А. Введение. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. / А. Миллер // Историческая политика в XXI в. / под ред. М. Липмана, А. Миллера. – М., 2012. – С. 7–32.
5. Миллер, А. Россия: власть и история / А. Миллер // Pro et Contra. Журнал российской внутренней и внешней политики. – 2009. – Т. 13, № 3–4. – С. 6–23.
6. О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Безопасности

Республики Беларусь, 18 марта 2019 г., № 1 // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2019.

7. Траба, Р. Польские споры об истории в XXI в. / Р. Траба // Историческая политика в XXI в. / под ред. М. Липмана, А. Миллера – М, 2012. – С. 65–102.

*Н.Ю. Веремеев, кандидат политических наук
БГЭУ (Минск)*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ: ИСТОЧНИКИ, ТИПОЛОГИЯ И МЕТОДЫ АНАЛИЗА

Анализ рисков широко распространен в экономике, социологии, праве, психологии и других научных дисциплинах. Политическая наука, как область знания, изучающая сферу власти и властных отношений, деятельность государства и его институтов, также не могла обойти стороной проблему изучения рисков. Актуальный анализ политических рисков – направление современной политической науки, в которой сочетаются научные интересы академического сообщества, финансовые интересы представителей бизнеса и цели эффективной системы государственного управления.

Проблема политических рисков стала чрезвычайно актуальной во второй половине XX в. в результате роста активности транснациональных корпораций (далее – ТНК), развития инвестиционной активности на глобальных рынках. В последние же годы интерес к феномену политического риска усиливается в связи с возникновением новых угроз международному бизнесу, обострением геополитической обстановки, несмотря на сохранение и углубление взаимозависимости стран в условиях глобализации. Пандемия COVID-19, рост протестной активности, массовые акции и беспорядки в разных регионах мира, украинский кризис и «новая холодная война» между Россией и Западом, торговая война США и Китая – все эти события стали причиной масштабных социально-политических изменений, человеческих страданий и многомиллиардных потерь для крупного бизнеса.

Определение политического риска изначально было сформулировано в экономической науке. Приоритет экономистов в вопросе анализа политических рисков обусловлен глобализацией мировой экономики, деятельностью ТНК, развитием международной торговли и инвестиций. Понимание политического риска основывалось прежде всего на изменении политических условий для иностранных инвестиций или импорта в принимающем государстве.

Понятие «политический риск», как и большинство понятия в социально-гуманитарной отрасли знания, содержит множество интерпретаций. Так,